

Пролог

Июнь 1878 г.

Аденский залив

Клипер умирал. Ютовое орудие изредка выплёвывало в сторону неприятеля столбы белого, воняющего серой и селитрой дыма. Ему вторила единственная чудом уцелевшая девятифунтовка, да тьякала со шкафута револьверная пушка. Но крен неумолимо нарастал, обрекая любые попытки стрелять прицельно на неудачу.

Остальные орудия молчали. Сбитая снарядом фок-мачта придавила стоящую за ней шестидюймовую пушку. Впрочем, к этому моменту она уже вышла из строя — снаряд угодил в станину, своротив ствол и выкосив прислугу веером острых как бритва осколков. Третья, баковая шестидюймовка замолчала в самом начале боя, едва успев дать полдюжины выстрелов. Зазубренный кусок чугуна — донце неприятельской бомбы, намертво заклинивший подъёмный механизм, никак не поддавался ни кувалдам, ни ломам, ни яростным матерным тирадам, изрыгаемым осатаневшими канонирами. Сама бомба лопнула на полубаке, снеся крамбол, перебив пертулинь, рустовы и стопора якорной цепи правого станового якоря, и разлапистая чугунная махина сорвалась в воду и долго грохотала цепью в клюзе, проваливаясь в густо-синюю океанскую пучину.

Впрочем, потеря якоря стала наименьшей из бед, постигших красавец-клипер. Созданный для боя

с колониальными канонерками и деревянными безбронными корветами, демонстрирующими «Юнион Джек» в далёких портах, он встретился с кораблём, построенным для охоты на таких, как он, «истребителей торговли». Двенадцать шестидюймовок против трёх, плюс ещё два семидюймовых армстронговских орудия — это серьёзно, господа! И пусть британцы с упорством, достойным лучшего применения, ставят на свои броненосцы и винтовые корветы дульнозарядные орудия, в подмётки не годящиеся продукции крупновских заводов, украшающей палубы русских клиперов. Да, крупновские шестидюймовки стреляли гораздо чаще армстронговских, но с каждого борта британского корвета их палило не меньше полудюжины. А главное — изобретение островных инженеров, карапасная броневая палуба, выпуклым черепаховым панцирем прикрывающая котлы, машины и подводную часть судна. Корвету тоже досталось: фор-стенги нет, труба уполовинена попаданием русской бомбы, борта пестрят мелкими и крупными пробоинами. Но броня палубы исправно принимала на себя осколки и прилетающие по касательной снаряды — машина легко держала тринадцать узлов, а русский клипер, лишившийся половины котлов после попадания семидюймовой бомбы в котельное отделение, едва-едва развивал шесть. Британский корвет кружил вокруг жертвы, легко занимая положение, позволяющее поражать жертву орудиями всего борта — а когда повреждения от огня русских накапливались (они, надо признать, стреляли неплохо), быстро развернуться, меняя подбойный борт и не подставляясь при этом под неприятельский бортовой залп. А уж теперь, когда замолчали две из трёх русских шестидюймовок, оставался сущий пу-

стык — держаться в носовых ракурсах, безнаказанно расстреливая цель продольным огнём.

Наконец, замолчала и третья. Теперь клипер пылал от грот-мачты до кормы, и лишь с полубака часто и бессильно хлопала одинокая митральеза.

Кептен Джеймс Ист поднял бинокль, рассматривая мельтешащие в дыму фигурки русских матросов.

— Почему они не сдаются, Джорджи? Любому болвану должно быть ясно, что дело проиграно.

— Это русские, сэр, — Джордж Невилл стряхнул щепку, зацепившуюся за шеврон первого лейтенанта на рукаве. — Не думаю, что они спустят флаг. Конечно, у них случались позорные истории, вроде сдачи фрегата «Рафаил» в двадцать девятом году туркам, но это редкость. Скорее уж, они сами затопят свой корабль, не то что...

Ист поморщился. Недосказанное первым лейтенантом неловко повисло в воздухе: «...не то что эскадра специальной службы...» Позор, позор! Да, броненосцы сэра Этли Купера Ки там, в Финском заливе, были окружены неприятелем, истерзаны, изувечены, многие лишились хода — но затопиться-то они могли! Или взлететь на воздух в вулканах бомбовых погребов, спасая остатки чести Ройял Нэви.

— Может, добыём самодвижущимися минами? — неуверенно предложил Невилл. — Мы ещё ни разу не опробовали их в деле, вот заодно и потренируемся...

Джеймс Ист опустил бинокль.

— Нет, Джорджи. Распорядитесь изготовить абордажную партию — за Королевским флотом должок, попробуем сегодня вернуть хотя бы часть.

Первый лейтенант коротко кивнул и сбежал по трапу со шканцев. Кептен довольно потёр ладони — в послужном списке очень даже неплохо будет смо-

треться захват русского клипера. И это — в первом же боевом походе новенького, с иголки, винтового корвета её величества!

По палубе к оружейным пирамидам побежали морские пехотинцы, отмыкая цепочки, пропущенные в спусковые скобы и эфесы. Вклиниваясь в промежутки между залпами, засвистели боцманские дудки, по палубе застучали сотни крепких босых пяток — матросы, подгоняемые унтер-офицерами, спешили разбирать кортики, револьверы и топоры-интропели с крюком на обухе.

Русским понравится.

— Ну что, мичман, похоже, амба нам наступает?

Командир вытер набежавшую на лоб кровь. Крошечный осколок задел голову чуть-чуть — скользнул по макушке, но кровотечение никак не хотело уняться. Поверхностные раны в голову они такие: вроде и боли-то особой нет, не говоря уж об опасности для организма, а вот кровищи не меньше, чем от зарезанного поросёнка. Де Ливорн усмехнулся, промакивая кровь оторванным от кителя рукавом. В детстве, в поместье, отец заставлял его смотреть, как мужики колют свиней — длинным ножом под лопатку. А потом подвешивают тушу, чтобы сцедить кровь...

Сегодня её, крови, ничуть не меньше, чем на бойне. Собственно, это бойня и есть: после каждого попадания по палубе проносится вихрь осколков, терзающих живую плоть, дробящих стёкла иллюминаторов, решетящих вентиляционные кожухи и огрызок трубы, торчащий из обугленной палубы. Жиденькая копоть от единственного еще действующего котла смешивается с дымом горящего палубного настила, рангоута, перемолотых в щепки шлюпок.

— Похоже, вы правы, Карл Карлович. Кабельтова на три сблизился, лупит почём зря. На картечь перешёл, подлец!

— Похоже, задумали нас взять ни за понюх табаку. А что? До Адена трое суток экономического хода — подведут пластыри, дотянут. Приходи кума любоваться...

Новый залп. Картечь, противно визжа, пронеслась над палубой. Собеседников, единственных оставшихся в живых офицеров клипера, спас лафет разбитого орудия, за которым они кое-как укрывались.

— Вот бы миной их сейчас, а? Вы же у нас минёр... Мичман горько усмехнулся.

— Смеётесь, Карл Карлыч? Носовой аппарат разбит, минные рамы в хлам. Разве что метательной?.. Дождаться, когда подойдут поближе, и вдарить!

Де Ливорн покачал головой.

— Не выйдет, дюша мой. Минный аппарат на катере разбит, а возиться с запасным, устанавливать для выстрела — кто ж нам позволит? Палуба насквозь простреливается, поди высунься!

— Да я всё понимаю. Это так, для разговору...

Командир клипера усмехнулся — усмешка больше походила на оскал. Капитан-лейтенант ни на миг не сомневался, что минёр (новоиспечённый, год как из морского училища — как и только-только вошедший в строй клипер) без колебаний наплевал бы на любой риск. Только вот незадача: кургузая медная труба бросательного минного аппарата весит больше десятка пудов, и ворочать его вдвоём не под силу. Да что там аппарат — им даже с миной, заострённой пятипудовой сигарой, начинённой пироксилином, сейчас не справиться. Были силы, да все вышли. Вер-

нее, вытекли — вместе с кровью из дюжины глубоких и не очень ран. И распаханный от макушки до переносицы капитанский скальп — далеко не самая серьёзная...

Мичман приподнял голову, выглянул.

— Стрелять перестали, Карл Карлыч. Сейчас шлюпки спустят. А то борт о борт встанут. Чтобы, значит, не возиться...

Командир попытался повернуться. Получилось не очень — резкая боль пронзила развороченный осколком бок, отозвалась в раздробленном колене.

— Вы, голубчик, вот что... Раз англичашка стрелять перестал — вызывайте из низов машинистов с кочегарами, попробуйте сбросить ялик, что под кормой висит — он вроде не побит. Только сначала помогите мне добраться до минного погреба.

— Я с вами! — вскинулся мичман, но де Ливорн не желал слушать.

— И-и-и-эх, даже и не думайте. Вы, голубчик, хоть и мичманец, а всё же офицер. И за матросиков перед Богом и отечеством в ответе, за каждую живую душу. Давайте-ка поторапливайтесь, пока на корвете к абордажу изготавливаются. А обо мне не думайте, я всё равно в ялик спуститься не смогу. Кровью истеку или помру от боли.

Мичман хотел что-то возразить, но не посмел. Повернулся и, пригибаясь, посеменил к разбитому люку. Де Ливорн закаменел, ожидая выстрелов с корвета, — пронесло. Видимо, британские канониры не сочли одинокую человеческую букашку достойной картечного залпа.

Мичман добрался до люка, неловко, припадая на раненую ногу, ступил вниз и пропал из виду. Командир откинулся назад, опираясь на перекошенную

станину, и принялся, шипя от боли, засовывать под сорочку сложенный вдвое рукав.

Если повезёт — у него будет ещё четверть часа. Только бы на ялике успели подальше отгрести от обречённого клипера.

Нет, лихого абордажа в стиле Нельсона и Дрейка не получилось. Но всё же блудливая портовая девка Фортуна проявила некоторую снисходительность к бронепалубной посудине её величества: из хранившихся в минном погребе русского клипера полудюжины самодвижущихся и десяти бросательных мин сдетонировали только три. Столб огня разломил корпус пополам, обрушил грот-мачту стоящего рядом корвета, вырвал немаленький кусок борта, уничтожив заодно скрывающуюся за планширем шестидюймовку вместе с расчётом. Сгинули, словно их и не было, три десятка матросов и морских пехотинцев абордажной партии, успевших перебраться на «трофей» или только готовившихся это сделать. Но кованая железная броня приняла на себя удар, и корабль остался на плаву. Он даже сохранил ход, ухитрившись кое-как доковылять до Адена, где и остался до конца войны — вернее, до иных событий, о которых у нас ещё пойдёт речь. И уже оттуда, из британской твердыни, прочно оседлавшей южную оконечность утопающего в раскалённых песках полуострова, телеграф разнесёт весть о славной победе королевского флота.

Правда, сполна насладиться лаврами победителя кептен Джеймс Ист уже не смог. Вместо него корвет привёл в порт штурманский офицер Уильям Грили — прочее корабельное начальство, включая старшего офицера Джорджа Невилла, старшего артиллериста и лейтенанта морской пехоты, возглавлявшего абордажную партию, было сдуто, обращено

взрывом в ничто. И уж конечно, у команды искалеченного корвета не было ни времени, ни желания возиться с болтающейся в волнах шлюпкой, на которой спасались остатки русского экипажа. Живы — значит, судьба к ним благосклонна. Если, конечно, сумеют догрести до недалёкого, всего в тридцати морских милях, берега. Океан безразличен к кровавым игрищам людей, снующих по его поверхности. Он принимает всех, не делая различий ни по крови, ни по цвету кожи, ни по вере или отсутствию таковой. Как напишет однажды поэт, которого ещё назовут певцом этой великолепной эпохи:

We have fed our sea for a thousand years
And she calls us, still unfed,
Though there's never a wave of all her waves
But marks our English dead:
We have strawed our best to the weed's unrest,
To the shark and the sheering gull.
If blood be the price of admiralty,
Lord God, we ha'paid in full!¹

Или — не назовут? Скрипучая телега истории уже свернула с накатанной колеи и с каждым оборотом колеса углубляется в неизвестность. И — кто знает, что за певцы будут у иного, изменившегося до неузнаваемости времени?

¹ Наше море кормили мы тысячи лет
И поныне кормим собой,
Хоть любая волна давно солона
И солон морской прибой:
Кровь англичан пьет океан
Веками — и все не сыт.
Если жизнью надо платить за власть —
Господи, счет покрыт!

Р. Киплинг. Песнь Мёртвых

І. Пепел Клааса

*Санкт-Петербург, Невский проспект
...июля 1878 г.*

— А всё же кофе у «Жоржа Данона» не очень, — заметил Серёжа, ставя крошечную, с золотым ободком, чашечку на блюде. — Вот, помнится, в Гельсингфорсе...

— Было, как же, — отозвался собеседник, тоже морской офицер, судя по погонам, капитан второго ранга. — Все уши прожужжала о визите в это заведение. Даже супругу мою потом соблазнила. Говорит — нечто феерическое!

Серёжа кивнул. Прежде он не слишком-то разбирался в тонкостях приготовления заморского напитка, по привычке предпочитая ему чай. Спасибо пожилому шведу, владельцу кофейни на углу Михайловской, куда он частенько захаживал во время долгих прогулок по городу. Отставной боцман торгового флота варил кофе самолично — и не только варил, но и обжаривал зёрна, доставленные напрямую из Бразилии в джутовых мешках с фиолетовыми клеймами португальских экспортных фирм и германского Ллойда. Он-то и приучил мичмана Казанкова к этому напитку — а заодно и к крошечным, изумительно вкусным булочкам с корицей под румяной хрустящей корочкой. Увы, столичные кофейни, даже такие известные, как «Жорж Данон», не могли похвастать ничем подобным.

Нина, племянница капитана второго ранга Повалишина, тогдашнего Серёжиного непосредственного начальника, командовавшего монитором «Стрелец», нередко сопровождала молодого человека в прогулках по городу. На гельсингфорсской эспланаде, на бульварах и проспектах, так похожих на петербургские, и родилась их приязнь, переросшая со временем в нечто большее, и теперь лейтенант Казанков запросто заходил в дом на углу Большой Морской и Конногвардейского, где квартировало семейство Повалишиных, на правах жениха. Свадьбу, правда, пришлось отложить — война-с, да и разрешение жениться флотским лейтенантам просто так не дают. К тому же жених, получивший назначение на захваченный у англичан фрегат «Клеопатра», скоро отбудет в дальние края. Дядя же невесты (он выполнял роль опекуна) покинул госпиталь и, хоть и ходит опираясь на трость, уж конечно, не засидится в столице. Война, начавшаяся после торжественного взятия Константинополя, тянулась уже почти полгода. И, несмотря на немалые успехи, конца пока не просматривалось в океанских просторах, где по-прежнему господствует Британская империя...

Так что с флёр д'оранжем, фатой и прочими свадебными финтифлюшками придётся повременить до полной победы русского оружия. А пока двое мужчин неспешно беседовали в зеркальном зале одной из лучших столичных кофеен.

Петербург вам не Кронштадт, не Гельсингфорс. Порядки здесь задаёт гвардия, лейб-гусары, конногвардейцы, семёновцы с преображенцами. Но теперь любимцы публики — моряки; после блестящей весенней кампании, после триумфов Свеаборга и Се-

верного фарватера им особый почёт и уважение. Вот такому молоденькому, только-только произведённому лейтенанту, на чьём мундире алеет Владимир с мечами и бантом из чёрно-красной орденской ленты — любому ясно, где он мог его заслужить! Вот и кидают почтительные взгляды важные петербургские обыватели, студенты, заглянувшие к «Данону» после лекций, дамы в лёгких летних манто, решившие побаловать себя чашечкой шоколада, и даже сопровождающие их лейб-кирасиры, позвякивающие, по случаю пятницы, палашами в зеркальных ножнах. Можно неспешно развернуть газету, отгородиться от изучающих, восторженных, завистливых взглядов, сделать маленький глоток ароматной жидкости (эх, не тот кофе, совсем не тот!) — и продолжить неспешную беседу двух знающих людей.

А поговорить сегодня есть о чём.

— Ну вот, полюбуйте: уже третий наш рейдер потоплен!

Кавторанг в раздражении ткнул никелированной ложечкой в газетный разворот.

— Неужели наша доктрина крейсерской войны в океанах оказалась ошибочной? Разумеется, у англичан ажиотаж, рост страховых ставок и всё такое, — но, на мой взгляд, особых неудобств они пока не испытывают.

— Как по мне, воздействие это в первую очередь нравственное, — уверенно возразил Серёжа. Он ещё утром прочитал заметку о гибели в Аденском заливе русского военного клипера «Крейсер» и успел всё хорошенько обдумать. — К тому же прикиньте, сколько вымпелов занято сейчас охотой за нашими рейдерами! А они пригодились бы господам просве-